

**ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПОЛИЦИЯ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ
В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ
(НА МАТЕРИАЛАХ КУРСКОЙ ГУБЕРНИИ)**

© 2022 Г. А. Салтык

*доктор исторических наук,
профессор кафедры художественного образования и истории искусств
e-mail: galinasaltyk@yandex.ru*

Курский государственный университет

В статье рассказывается о формировании политической полиции в одном из крупнейших регионов Российской империи – Курской губернии. На материалах губернского жандармского управления (ГЖУ) показан процесс становления политического сыска, формирование его руководящего состава, а также представлены основные направления деятельности.

Ключевые слова: Курское губернное жандармское управление, политическая полиция, сыск, революционеры, агенты, филеры, унтер-офицеры, партии.

**POLITICAL POLICE OF THE RUSSIAN EMPIRE
AT THE END OF THE XIX CENTURY - THE BEGINNING OF THE XX CENTURY:
REGIONAL ASPECT (BASED ON THE MATERIALS OF THE KURSK PROVINCE)**

© 2022 G. A. Saltyk

*Doctor of Historical Sciences,
Professor of the Department of Art Education and Art History
e-mail: galinasaltyk@yandex.ru*

Kursk State University

The article describes the formation of the political police in one of the largest regions of the Russian Empire – Kursk province. The materials of the provincial gendarmerie department (GZHU) show the process of formation of the political investigation, the formation of its leadership, as well as the main areas of activity.

Keywords: Kursk provincial gendarmerie department, political police, detective, revolutionaries, agents, detectives, non-commissioned officers, parties.

С образованием в 1802 г. Министерства внутренних дел (МВД) начались преобразования в полицейских органах, в том числе и в политической полиции. Прежде всего была упразднена Тайная канцелярия, а полномочия по расследованию политических преступлений были переданы Сенату и судам по уголовным делам, которые сосредоточивались в особенной канцелярии МВД, а затем в Комитете для рассмотрения дел по преступлениям, клонящимся к нарушению общественного спокойствия. В начале 1820-х гг. при штабе гвардейского корпуса и Управлении военных поселений появилась тайная полиция. В 1826 г. органом политического сыска стало

Третье отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии. В нее вошли Особенная канцелярия Министерства внутренних дел, тайная агентура и Отдельный корпус жандармов. Вскоре в Российской империи появились жандармские округа, а затем и губернские жандармские управления. На рубеже XIX – XX вв. во многих губернских городах были открыты розыскные пункты, переименованные в охранные. Все эти нововведения в области политической полиции были связаны с усиливающимся в Российской империи революционным движением.

В Курской губернии в последней четверти XIX в. где большинство населения занималось сельским хозяйством, были очень популярны революционные идеи народников [34]. Их несли «в крестьянские массы» не только местные учащиеся, но и студенты, сосланные в исследуемый регион из Москвы, Санкт-Петербурга, Харькова и Киева «за участие в революционных организациях», а также опытные народовольцы, к которым, бесспорно, можно отнести С.А. Субботину (с. Беломестное Ново-Оскольский уезд), а также уроженцев Путивльского уезда А.Д. Михайлова и А.И. Баранникова [14].

На рубеже веков в Курской губернии появляются первые революционные организации, формируются местные комитеты социал-демократической партии и партии социалистов-революционеров – РСДРП и ПСР [32, с. 14–17]. Большой популярностью среди либеральной молодежи губернского центра пользовались взгляды Н.К. Михайловского. Об этом красноречиво свидетельствует переписка Курского полицмейстера с начальником ГЖУ по случаю участия учащихся землемерного и реального училищ, фельдшерской школы, духовной семинарии, а также служащих губернской земской управы – присяжных поверенных Расторгуева, Антельсона и других в панихиде, заказанной либеральными «земцами» в связи с кончиной Н.К. Михайловского. В одном из его донесений отмечалось: «Присутствовавшая на панихиде молодежь вышла на Московскую улицу с пением «Вечная память». Присоединение к демонстрации горожан превратило ее в массовое мероприятие, которое закончилось призывом к свержению царской власти [12, л. 7, 13–14].

В начале XX в. в революционное движение исследуемого региона были втянуты не только учащиеся г. Курска, но и учителя земских школ, врачи, фельдшеры, рабочие местных заводов и железнодорожных мастерских, крестьяне. Среди курских борцов «за свободу» встречаются имена купцов, дворян, священнослужителей... Во многом благодаря их материальной поддержке в губернии был налажен выпуск нелегальной литературы, которая существенно дополняла революционные издания, поступающие в Курск из других городов. Прежде всего это издания партии социалистов-революционеров и социал-демократов.

Ее распространением среди жителей губернии занимались члены революционных кружков, которые в начале 1900-х гг. оформились в губернском центре и в ряде уездных городов – Старом Осколе, Судже, Рыльске, Льгове. Крестьяне находили нелегальную литературу на ярмарках и базарах в телегах, в стогах сена, подбирали на дорогах, а затем нередко разносили их по отдаленным и наиболее глухим местностям. Среди них – революционная брошюра «Кривая доля», воззвание «За Думу, землю и волю», «Всеобщее народное восстание» [10; 11].

О том, что подобная литература «охотно читается» местным населением, а затем передается «от одного лица к другому», отмечалось в ряде документов, извлеченных нами из фондов Государственного архива Курской области. Так, к примеру, сын купца В. Коронный распространял среди курян письма о предстоящих еврейских погромах, земский агроном Заикин и врач Борисовской больницы М.Ф. Сергачевская – нелегальные издания с призывами к разделу земли и свержению самодержавия, М. Овсянников – революционные стихи, Петр и Иван Гусенковы вели революционную

пропаганду среди населения села Любимовки и рабочих местного сахарного завода 12 сентября 1903 г. и т.д. В ГЖУ в это время было оформлено несколько десятков дел о розыске лиц, обвиняемых в выступлениях против царского самодержавия, а также наблюдательные дела на состоящих под негласным надзором местной полиции [3; 4; 7–9].

Интерес представляет «Дело об организации розыска скрывшегося из-под надзора полиции из Нижнего Новгорода А.М. Пешкова», датированное 1 июля 1891 г. В нем имеется уведомление начальника Нижегородского ГЖУ, направленное начальнику КГЖУ А.В. Задонскому о том, что «состоящий под негласным надзором полиции в Нижегородской губернии мещанин Алексей Максимович Пешков 29 апреля 1891 г. из Нижнего Новгорода выехал» ... и по «добытым сведениям»... в настоящее время «должен проживать в г. Курске или Курской губернии», а также распоряжение вице-губернатора Курской губернии, направленное полицмейстеру и уездным исправникам «об оказании содействия в розыске в Курской губернии названного Пешкова». Результаты розыска он просил сообщать начальнику А.В. Задонскому. В случае же обнаружения Пешкова вице-губернатор предлагал установить за ним негласный надзор [6].

Заметим, что негласный надзор являлся одной из мер предупреждения государственных преступлений. Порядок его установления был установлен Положением от 1 марта 1882 г.: сначала местное начальство добивалось разрешения на его установление от Департамента полиции, затем по согласованию с губернатором его утверждал начальник ГЖУ.

Курское губернское жандармское управление было создано в 1867 г. Об этом свидетельствует документ, обнаруженный нами в фондах Государственного архива Курской области (ГАКО) «О составе корпуса жандармов 1867–1868 гг.», в котором, в частности, указывалось на то, что в сентябре 1867 г. в Курскую губернию были направлены нижние чины наблюдательного состава корпуса жандармов: вахмистр Н. Адамов, фельдфебель А. Иванов, унтер-офицеры П. Барабаш, А. Алябьев, И. Березюк, С. Дудин, Г. Сутенко, А. Напонов, С. Солодовников и др. (всего 11 человек) [25, л. 1].

Конечно же, руководством губернии и ГЖУ предпринимались меры по недопущению местного населения «неповиновению властям». Ввиду усиливающейся революционной пропаганды в губернии, жандармам предписывалось «войти в надлежащее сношение и соглашение с местной администрацией и совместно с чинами городской полиции учредить самое бдительное наблюдение за появлением во вверенном им районе всех тех лиц, кои действиями своими будут навлекать подозрение в революционной пропаганде, будет то пропаганда книжная или устная» [17].

Контролировала политическая полиция и вопросы, связанные с паспортно-визовым режимом. В архивных фондах имеются документы, подтверждающие тот факт, что именно через ГЖУ проходили сведения о заграничных паспортах. Так, в одном из них отмечается, что за январь 1901 г. было выдано 210, с 1 июня 1904 по 1 января 1905 г. – 226, с 1 января по 1 июля 1905 г. – 146 паспортов, в частности – бельгийскому подданному Юрию де Вильде, австрийским подданным Анне Новак с дочерьми Марией и Августиной, рыльскому купцу Янкель-Зеник Таубе, курскому мещанину Зенделю Абрамовичу Заксу и др. [16, л. 2–9, 23–25]

Цензурным уставом и циркулярами Министерства внутренних дел были определены пьесы и стихотворения, которые можно было исполнять «публично на устраиваемых частными лицами спектаклях и концертах...» [17, л. 29, 127]. Следует подчеркнуть, что цензурные функции в российской провинции не являлись чисто полицейскими, вместе с тем многие из них переплетались с действиями местной полиции, в том числе и политической. Так, жандармы изымали из обращения

нелегальную литературу политического содержания, выявляли подпольные типографии. В фондах ГЖУ нами был обнаружен список газет, журналов и книг, подлежащих изъятию с 1 января по 22 сентября 1906 г., который включал в себя 160 изданий. Среди них – общедоступная беспартийная газета «Товарищ», брошюры «Государственная дума о положении кадетов», «Декларация думской фракции РСДРП», журналы «Русское богатство», «Прометей», «Знание сила – сила знание», «Вестник партии народной свободы» и др. Только с разрешения ГЖУ осуществлялось осуществление книжной торговли, открытие типографий и издание периодической прессы, а также давалось разрешение на организацию и проведение народных чтений. Именно в ГЖУ таможенники должны были, «не выжидая запроса» со стороны жандармов, сообщать «о всех книгах, шрифтах и печатных станках, привозимых из-за границы, немедленно по выпуске оных из таможни, с указанием времени поступления, досмотра и выпуска, а также адресов отправителей и получателей означенных товаров» [19, л. 128–143; 24, л. 1].

В период Первой мировой войны ГЖУ выполняли и функции контрразведки. Они занимались обеспечением политической безопасности войск, помогали армии в решении организационных вопросов – доставке новобранцев, конвоировании, слежке за военнопленными и др. Одним из важнейших направлений их работы в этот период являлась перлюстрация. В исследуемом регионе по просьбе начальника ГЖУ ею занимались уездные исправники и завербованные жандармами служащие почтово-телеграфных контор. В мае 1916 г. была введена должность военного цензора. Удостоверение на право производства выемки и просмотра разного рода почтовых и телеграфных отправок имел и начальник КГЖУ А.И. Мрочкевич [32, с. 213]. В первую очередь просмотру подлежала частная переписка лиц, за которыми был установлен негласный надзор, корреспонденция военнопленных, солдат действующей армии и их родственников, а также информация, составляющая государственную тайну.

Жандармы также вели пристальное наблюдение за иностранцами, проживавшими на территории губернии или находившимися на ней временно. На них составлялись так называемые «сведения на жительство» или «проходные свидетельства для свободного следования из одного уезда в другой», которые тщательно заполнялись и передавались в ГЖУ [15, л. 4–5; 21, л. 21].

Интерес представляет и циркуляр Департамента полиции от 9 марта 1911 г. на имя начальника КГЖУ, в котором говорилось «о необходимости пресечь возможность появления в пределах вверенной ему территории» иностранных воздухоплателей. Если же такие случаи будут иметь место, Департамент рекомендовал местной полиции проверить у владельца воздухоплательного аппарата документ, удостоверяющий его личность, а также записки, планы, чертежи и фотографические снимки...». Рекомендовалось также «выяснить истинную цель полета» и немедленно сообщить командующему войсками округа [26, л. 104].

Политическая полиция также осуществляла официальный надзор за сектами и религиозными организациями. Нами были обнаружены десятки циркуляров МВД, направляемых на имя губернатора с просьбой прислать поименные списки крестьян – членов «раскольничьих сект» – «поповцев», баптистов, молокан и старообрядцев, а также тех, которые решили пополнить ряды монашествующих [1, л. 2; 2, л. 94].

На протяжении исследуемого периода численный состав КГЖУ почти не менялся. Согласно архивным документам, в конце XIX – начале XX в. в нем числилось 16 унтер-офицеров, 3 вахмистра, 2 писаря – всего 21 человек. Это были П. Нестеров, А. Волохов, Ф. Нефедов, И. Аникеев, И. Сеушков, И. Зенгалбник, Я. Кирюченко, Г. Руспоруцкий, И. Соколов, С. Новиков, Г. Чернышев, Л. Билборов, Г. Копов,

М. Силиченко, Т. Корниенко, Д. Рябченко. В годы первой русской революции число унтер-офицеров увеличилось на 2 человека [21, л. 21].

Одним из помощников начальника КГЖУ в Белгородском, Грайворонском, Корочанском, Тимском, Старооскольском и Новооскольском уездах в 1892 г. являлся ротмистр Владимир Иванович Дацевич. Он родился 11 июля 1864 г. в дворянской семье (Полтавская губерния). Окончил Одесское реальное училище и Елисаветградское кавалерийское юнкерское училище 2-го разряда. На службу вступил в 1883 г. в Драгунский Его Императорского Высочества великого князя Михаила Николаевича полк. В 1898 г. приказом по корпусу жандармов был назначен помощником Пермского областного ГЖУ, а затем, в 1901 г., помощником начальника КГЖУ. Он был награжден серебряной медалью в память императора Александра III, являлся кавалером ордена Святого Станислава 3-й степени [27, л. 17–24; 29].

Анализ послужных списков офицеров ГЖУ свидетельствует о том, что награды имели многие из них. Так, ротмистр В. Нестеровский был награжден орденом Святого Станислава 3-й степени и орденом Святой Анны 3-й степени, вахмистр С. Евдокимов – темно-бронзовой медалью на Александрo-Георгиевской ленте в память Русско-японской войны (1908 г.) и светло-бронзовой медалью в память 300-летия царствования дома Романовых (1913 г.), унтер-офицер И. Никаженев – серебряной медалью за 10 лет сверхсрочной службы (1910 г.). Имена С. Евдокимова и И. Никаженева были внесены в список служащих Курского ГЖУ, представленных в 1916 г. к награждению медалью «За усердие» (всего 23 человека). Среди них – 7 унтер-офицеров: Д. Рябченков, А. Костюк, П. Денисов, И. Ищенко, Т. Еньшин, С. Винаков, К. Коровин [30, л. 18].

За каждым из унтер-офицеров закреплялся участок, который он обязан был объезжать ежемесячно хотя бы один раз в месяц. Зачастую такая территория охватывала 5 уездов. Во время объездов унтер-офицер собирал сведения о проживающих на данной территории поднадзорных, о политических настроениях населения, «о всех важнейших общественных бедствиях, значительнейших пожарах, и часто повторяющихся в городах и селениях поджогах..., о расхищениях казенных сумм и имуществ, о смертоубийствах, святотатствах, грабежах, нападениях на почты, насилиях, неповиновениях властям, самоубийствах и буйствах лиц ...» [3, л. 25–28] и т.д. Данная информация докладывалась начальнику ГЖУ, который отправлял ее непосредственно в Третье отделение собственной Его Императорского Величества канцелярию.

На особый контроль в КГЖУ были поставлены негласные дознания о лицах, которые обвинялись «в произношении дерзких и оскорбительных слов против Особы Государя императора», а также наблюдательные дела о состоящих под негласным надзором полиции. Революционный подъем 1905 г. заставил правительство сосредоточить розыскное дело в одних руках. Положением от 14 декабря 1906 г., подписанным министром внутренних дел П.А. Столыпиным, в империи были учреждены 8 районных охранных отделений. Курская губерния входила в одно из них. Розыск осуществлялся с помощью особого штата секретных агентов, ведущих внутреннее наблюдение. В одном из циркуляров Департамента полиции агентура была названа «наиболее верным способом» розыска [18, л. 87].

В августе 1907 г. вольнонаемными агентами КГЖУ числилось 9 человек. Спустя год на службе при розыскном пункте в г. Курске – 10 филеров: А.А. Волохов – отставной вахмистр, И.Е. Алейник – запасной старший писарь, П.И. Савельев и Н.Г. Зборовский – запасные унтер-офицеры, Ф.Ф. Торубаров – запасной старший унтер-офицер, Н.М. Алябьев – запасной старшина, Т.М. Корнев, И.Ф. Семенов – запасные младшие писари, С.С. Иванов – запасной младший фейерверкер. В 1913 г. их число возросло до 19, из них 16 человек работали по партии социалистов-революционеров, 3 – по РСДРП [22, л. 93].

Секретные агенты работали и в отделе контрразведки. Прежде всего это были демобилизованные из действующей армии солдаты, получившие ранения. Один из них, бывший солдат 134-го пехотного Феодосийского полка И.Ф. Букреев, был принят на службу в КГЖУ филером «для обслуживания надобностей контрразведки в 1916 г.». С этого же времени Е.Д. Мельников, бывший рядовой 27 Лифтляндского пехотного полка, «выполнял обязанности по контрразведывательному отделению Штаба Киевского военного округа [23, л. 1].

Для успешной работы в Курской губернии контрразведывательная агентура распределялась по одному сотруднику в населенные пункты уездов: Рыльский уезд (Теткинский сахарный завод), Белгородский уезд (Алексеевский, Шебекинский и Новотаволжанский заводы), Путивльский уезд (Бурынский, Николаевский, Шалыгинский и Крупецкой заводы), Грайворонский уезд (Головчанский, Краснояружский и Ракитянский заводы), Новооскольский уезд (завод Леонова) [23, л. 1–4].

Однако Департамент полиции рекомендовал ГЖУ имена секретных сотрудников держать в тайне – «во избежание их провала и мести им со стороны единомышленников». Поэтому в дневниках наблюдения и отчетах агенты и филеры использовали псевдонимы: «Суровый», «Случайный», «Аграрник», «Любитель», «Кочеток» и др. Так, наблюдение за заводами и мастерскими, расположенными в районе г. Курска, изготавливающими предметы государственной обороны, с июня 1916 г. «обслуживал» секретный сотрудник под именем «Красный». В январе 1917 г. «для нужд контрразведки» был направлен сотрудник «Варшавский» [23, л. 3].

Всего же только в 1907 г. под наружным наблюдением КГЖУ, по неполным данным, находилось 114 человек: Суджанский уезд – 32, Рыльский уезд – 27, Львовский уезд – 18, Путивльский уезд – 16, Дмитриевский – 20 человек [20, л. 13].

Среди начальников жандармского управления Курской губернии исследуемого периода выделим полковника Василия Николаевича Логинова. Он родился в 1847 г. в дворянской семье (Архангельская губерния). Воспитывался в 1-м военном Павловском училище по первому разряду, которое окончил юнкером в 1864 г. По окончании полного курса наук 8 августа 1866 г. произведен в подпоручики в 4-й пехотный Его Королевского Высочества наследного принца Саксонского полк. 28 января 1876 г. определен на службу в Отдельный корпус жандармов. Прикомандирован к штабу жандармов Владимирowo-Волынского и Ковенского уездов. В 1877 г. был назначен помощником начальника Волынского ГЖУ, в 1878 г. – помощником начальника Тульского ГЖУ, а в 1888 г. – начальником ГЖУ в корпус жандармов Ченстоховского и Бендинского уездов (Сувакское ГЖУ). Уже в должности полковника в 1895 г. приказом Отдельного корпуса жандармов № 20 был назначен начальником КГЖУ. Был награжден орденом Святой Анны 3-й степени и орденом Святого Станислава 2-й степени [27, л. 16–8].

С 1902 по 1910 г. деятельностью КГЖУ руководил полковник Андрей Карлович Вельк. Он родился 9 марта 1856 г. в дворянской семье (Лифтляндская губерния). Православный. Учился во 2-й Петербургской военной гимназии и в 1-м военном Павловском училище и окончил курс по 1-му разряду. После окончания Петербургской гимназии обучался в военном Павловском училище. В офицеры был произведен в 1876 г. Имел награды: орден Святого Станислава 3-й степени (1884 г.), орден Красного орла 4-й степени – рыцарский орден королевства Пруссии (1887 г.), Святой Анны 3-й степени (1890 г.), Святого Станислава 2-й степени (1900 г.), серебряную медаль в память царствования Александра III. В службу вступил из 2-й Петербургской военной гимназии в 1874 г. В подпоручики был произведен с направлением в Санкт-Петербургский гренадерский Короля Фридриха Вильгельма III полк 10 августа 1876 г. Зачислен в запасной батальон того же полка. Исполнял должность батальонного казначея. Затем

в 1880 г. был прикомандирован к Варшавскому жандармскому дивизиону для исправления по службе. Направлен в Варшавское губернское жандармское управление, где служил в должности помощника начальника Варшавского ГЖУ (1882–1884). В 1888 г. назначен помощником начальника Екатеринославского ГЖУ в городе Мариуполе, а в 1897 г. – помощником начальника Донского областного жандармского управления в Таганрогском округе. Приказом по Отдельному корпусу жандармов за № 29 от 18 июня 1902 г. произведен в полковники и назначен начальником КГЖУ [28, л. 1–6; 29, л. 1–5].

3 августа 1906 г. приказом по Отдельному корпусу жандармов № 148 начальником КГЖУ был назначен полковник Антон Афанасьевич Ковалевский, затем в апреле 1910 г. эту должность занимал Николай Филимонович Бабчинский, с 3 октября 1912 г. по март 1917 г. – полковник А.И. Мрочкевич. Нам удалось уточнить отдельные факты его биографии. Как отмечается в его послужном списке, хранящемся в фондах ГАКО, он родился 28 октября 1861 г. в Санкт-Петербургской губернии (с августа 1914 г. – Петроградская губерния). Затем Александр Игнатьевич обучался в гимназии № 2 г. Санкт-Петербурга. Военное образование получил в Николаевском кавалерийском училище по 1-му разряду (1882 г.). На военной службе состоял с 7 сентября 1880 г. в 6-м уланском Волынском полку. Прошел путь от корнета до полковника (корнет – с 1884 г., поручик – с 1884 г., штаб-ротмистр – с 1887 г., ротмистр – с 1890 г., подполковник – с 1899 г., полковник – с 26 февраля 1908 г.). С 1890 г. служил в Отдельном корпусе жандармов. Сначала адъютантом Екатеринославского ГЖУ (1890 г.), затем помощником начальника Подольского ГЖУ (1892 г.), начальником жандармского управления Ломжинского и Мазовецкого уездов (1893 г.), начальником Принаревского отделения Варшавского жандармского полицейского управления (далее – ЖПУ) (1893 г.), начальником Александровского отделения Варшавского ЖПУ (1898 г.), начальником Архангельского отделения Московско-Архангельского ЖПУ (с 1905 г.). В этом же году был прикомандирован к штабу Отдельного корпуса жандармов, затем служил в Варшавском ГЖУ, являлся начальником жандармского управления Седлецкого, Венгровского и Соколовского уездов (1907 г.). В 1908 г. возглавил Ковенское, а в 1911 г. – Владимирское ГЖУ. В 1912 г. возглавлял Кронштадское жандармское управление и портовой при нем жандармской команды. С 3 октября 1912 г. возглавил КГЖУ. В 1915 г. был переведен в резерв чинов при штабе Киевского военного округа с зачислением по армейской кавалерии. За добросовестную службу отмечен следующими наградами: орденами Святого Станислава 3-й ст. степени (1895 г.), Святой Анны 3-й степени (1902 г.), Святого Станислава 2-й степени (1911 г.), Святого Владимира 4-й степени (1915 г.) [13, л. 1–2; 31].

Под руководством вышеперечисленных руководителей Курское ГЖУ добросовестно старалось выполнять все предписания Департамента полиции, МВД Российской империи. Как показали материалы исследования, под их руководством оно достаточно активно пресекало революционную активность оппозиционно настроенной части населения, контролировало деятельность легальных и нелегальных политических и общественных организаций, следило за политической благонадежностью населения и вполне успешно выполняло функции контрразведки.

-
1. ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1161.
 2. ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 6619.
 3. ГАКО. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 1.
 4. ГАКО. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 6.

5. ГАКО. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 14.
6. ГАКО. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 16.
7. ГАКО. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 23.
8. ГАКО. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 25.
9. ГАКО. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 194.
10. ГАКО. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 199.
11. ГАКО. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 204.
12. ГАКО. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 213.
13. ГАКО. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 674.
14. ГАКО. Ф. 1642. Оп. 2. Д. 9.
15. ГАКО. Ф. 1642. Оп. 2. Д. 53.
16. ГАКО. Ф. 1642. Оп. 2. Д. 60.
17. ГАКО. Ф. 1642. Оп. 2. Д. 77.
18. ГАКО. Ф. 1642. Оп. 2. Д. 63.
19. ГАКО. Ф. 1642. Оп. 2. Д. 155.
20. ГАКО. Ф. 1642. Оп. 2. Д. 157.
21. ГАКО. Ф. 1642. Оп. 2. Д. 319.
22. ГАКО. Ф. 1642. Оп. 2. Д. 494.
23. ГАКО. Ф. 1642. Оп. 2. Д. 598.
24. ГАКО. Ф. 1642. Оп. 2. Д. 606.
25. ГАКО. Ф. 1642. Оп. 3. Д. 1.
26. ГАКО. Ф. 1642. Оп. 3. Д. 173.
27. ГАКО. Ф. 1642. Оп. 3л. Д. 37.
28. ГАКО. Ф. 1642. Оп. 3л. Д. 42.
29. ГАКО. Ф. 1642. Оп. 3л. Д. 64.
30. ГАКО. Ф. 1642. Оп. 3л. Д. 246.
31. Русская армия в Великой войне [Электронный ресурс]. – URL: grwar.ru/persons/person/10649 (дата обращения: 19.02.22).
32. Салтык, Г. А. Военный шпионаж в российской провинции в годы первой мировой войны. По материалам Государственного архива Курской области / Г. А. Салтык // Первая мировая. Неоконченная война: матер. междунар. научно-практ. конф. Москва, 18 июня 2014 г. / отв. ред. Е. И. Пивовар. М.: РГГУ, 2015. 777 с.
33. Салтык, Г. А. Неонародническое движение в Курском крае: люди и судьбы / Г. А. Салтык. Курск: Изд-во КГУ, 2021. 310 с.
34. Терещенко, А. А. Профессиональная структура занятий горожан Центрального Черноземья во второй половине XIX в. / А. А. Терещенко // Ученые записки: электронный научный журнал Курского государственного университета. 2018. 1(45). URL: https://api-mag.kursksu.ru/api/v1/get_pdf/2517 (дата выпуска: 23.03.2018).